

В. М. ЖИРМУНСКИЙ О «МАРРИЗМЕ» И БОРЬБЕ С НИМ

Резюме. Комментированная публикация замечаний В. М. Жирмунского на статью В. В. Виноградова и Б. А. Серебренникова «О работе И. В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”» (1962). Заметки В. М. Жирмунского представляют собой подробное и аргументированное изложение его взглядов на научную деятельность Н. Я. Марра и его учеников, а также на ее критику в начале 1950-х гг.

Ключевые слова: История советского языкознания, В. М. Жирмунский, Н. Я. Марр, В. В. Виноградов, Б. А. Серебренников

Публикуемый ниже текст В. М. Жирмунского относится к началу 1960-х гг. Он представляет собой внутреннюю рецензию на статью В. В. Виноградова и Б. А. Серебренникова «О работе И. В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”», которую предполагалось опубликовать в журнале «Вопросы языкознания». В. М. Жирмунский являлся к этому времени заместителем главного редактора журнала (должность главного редактора с начала существования журнала до конца своей жизни, как известно, занимал В. В. Виноградов).

Намерение опубликовать эту статью несомненно было связано с новой волной критики «культы личности», которая началась в СССР после XXII съезда КПСС, состоявшегося в октябре 1961 г. Вероятнее всего рецензия Жирмунского может быть датирована 1962 г.

Однако до публикации статьи Виноградова и Серебренникова дело не дошло, по всей вероятности потому, что «борьбу с последствиями культа личности в языкознании» было решено перенести на более высокий уровень. В марте 1963 г. по предложению Президиума АН СССР была организована сессия Отделения литературы и языка, посвященная этой теме. Материалы ее, в том числе доклад Виноградова и выступление Серебренникова, были изданы в 1964 г. отдельной книгой под названием «Теоретические проблемы современного советского языкознания» (Виноградов 1964: 9–30; Серебренников 1964: 109–113). Некоторую пикантность ситуации придавало то, что с критикой сталинского наследия в языкознании должны были выступить лица, которые в начале 1950-х гг. являлись главными пропагандистами и толкователями «сталинского учения о языке» и именно тогда заняли руководящие должности в филологической науке. В. М. Жирмунский в этой сессии участия не принимал.

Мы не ставим своей задачей подробно рассматривать эволюцию отношения В. М. Жирмунского к комплексу идей и построений,

связанных с деятельностью Н. Я. Марра и его учеников. Ограничимся здесь лишь напоминанием основных фактов¹.

Первые лингвистические работы В. М. Жирмунского (к этому времени уже очень известного литературоведа) появились во второй половине 1920-х гг. и были посвящены языку немецких поселений в России и на Украине. Постепенно круг его лингвистических интересов все более расширялся, охватывая такие области, как лингвистическая география, социолингвистика, история немецкого языка, сравнительная грамматика германских языков. С сер. 1930-х гг. В. М. Жирмунский проявлял интерес к определенным аспектам «нового учения о языке», главным образом, к теории стадий, которую он интерпретировал типологически и пытался сочетать с классическим сравнительно-историческим методом (см., в частности: Жирмунский 1940: 28–61). При этом он никогда не разделял наиболее одиозных положений маррвской доктрины (пресловутые «четыре элемента», фантастические этимологии, отрицание языковых семей, борьба с жупелом «индоевропеистики» и т.д.).

В 1949 г. В. М. Жирмунский подвергся нападкам марристов за попытки примирить «новое учение о языке» с концепциями «буржуазной лингвистики». Эти нападки совпали с «антикосмополитической» кампанией и дирижировались идеологическим аппаратом². «Ученый совет обращает особое внимание на наличие серьезных ошибок космополитического характера в учебнике по истории немецкого языка и в других работах проф. В. М. Жирмунского, пытающегося доказать превосходство языков аналитического строя над языками флективной системы и, в частности, над русским языком, умаляющего величие и достоинства русского языка», – говорилось в резолюции Ученого совета Института русского языка и Московского отделения Института языка и мышления АН СССР от 27–28 мая 1949 г.³ В постановление

---

¹ Лингвистическому наследию В. М. Жирмунского посвящены статьи М. А. Бородиной, М. М. Гухман, А. В. Десницкой, А. И. Домашнева, Л. С. Ермолаевой, Л. Р. Зиндера, С. Д. Кацнельсона, С. А. Миронова, Л. Э. Найдич, И. А. Перельмутера, Н. Д. Светозаровой, С. В. Смирницкой, Г. В. Степанова, С. А. Шубика, В. Н. Ярцевой. См. точные библиографические указания в кн.: Академик Виктор Максимович Жирмунский. Библиографический очерк. Отв. ред. А. В. Десницкая и Н. Н. Казанский. СПб., 2001.

² Не соответствуют действительности слова В. М. Алпатова: «Осторожному и часто шедшему на уступки В. М. Жирмунскому, тем не менее, фатально не везло. Только его перестали прорабатывать за литературоведческие труды, как взялись за его лингвистические работы» (Алпатов 1991: 154). Обличения Жирмунского по обеим линиям шли одновременно в рамках единой акции.

³ См.: ИАН. ОЛЯ. 1949. №. 4. С. 397. Автором этих диких измышлений (у Жирмунского речь шла, конечно, не о «превосходстве» английского языка

Президиума АН СССР от 21 июля 1949 г. Жирмунскому вменялись в вину «попытки реабилитации формально-сравнительного метода» и «пропаганда расистской теории о превосходстве языков аналитического строя, как, например, английского, над флективным русским и другими славянскими языками»⁴.

После поворота 1950 г. В. М. Жирмунский в свою очередь был зачислен в ряды сторонников «нового учения о языке» и ему неоднократно предлагалось «признать свои ошибки» (см., напр.: Сухотин 1951: 24; Виноградов, Бархударов 1952: 20). Следует, однако, отметить, что по линии лингвистики с Жирмунским обошлись мягче, чем по ведомству литературоведения: изгнанный из университета и Пушкинского Дома, он смог работать в возглавляемом Виноградовым академическом Институте языкознания.

Статья В. М. Жирмунского 1952 г. «Лингвистическая палеонтология Н. Я. Марра и история языка» – одна из лучших в антимарровском сборнике, в котором она была опубликована (Жирмунский 1952: 172–208). Без грубых эпитетов и оскорбительных обвинений (хотя и с неизбежным в тех условиях минимумом ритуальных фраз и ссылок) она дает великолепную критику с позиций историзма именно тех построений Марра, которые Жирмунский никогда не принимал. Эта статья вполне могла быть переиздана в «Избранных трудах» В. М. Жирмунского, подобно тому, как вошла в них его статья 1940 г. «Сравнительная грамматика и новое учение о языке».

В конце жизни В. М. Жирмунский по крайней мере дважды выразил свое отношение к деятельности Н. Я. Марра и его учеников. В некрологе И. И. Мещанинова он писал о «работах самого Н. Я. Марра, в которых мысли, порою блестящие и актуальные, порою совершенно фантастические, почти всегда излагались в сырой и хаотической, трудно доступной форме» (Жирмунский 1967: 20), и о том, что связанная с именем Мещанинова «грандиозная идея “стадиальной сравнительно-исторической грамматики”, построенной на типологическом сопоставлении языков разной структуры, оказалась весьма плодотворной для изучения этих языков под знаком структурно-типологических проблем <...>, хотя “стадиальный” характер этих синтаксических типов и последовательность их перестройки были в дальнейшем справедливо поставлены под сомнение» (Жирмунский 1967: 22).

над русским, а о том, что флективный строй архаичнее аналитического) был, по-видимому, Г. П. Сердюченко (ср.: Сердюченко 1949: 316–317; Сердюченко 1949: 3).

⁴ О современном положении в советском языкознании и мерах улучшения языковедческой работы в Академии // Вестник АН СССР. (Далее: ВАН – Ред.). 1949. № 9. С. 95.

Напомним также слова В. М. Жирмунского из предисловия к подготовленному им тому своих трудов: «Мне приходилось говорить неоднократно, что вся конкретная лингвистическая работа Марра в пору создания им так наз. “нового учения о языке” должна быть полностью и бесповоротно отвергнута, поскольку она целиком построена на фантастической идее палеонтологического анализа всех языков мира по четырем первоэлементам. Однако это не значит, что в теоретических идеях и отдельных высказываниях Марра, в большинстве случаев научно не разработанных и хаотических, не содержались творческие и плодотворные мысли, которым большинство из нас (в особенности ленинградских лингвистов) обязано общей перспективой наших работ. К таким общим установкам я отношу прежде всего борьбу Марра против узкого европоцентризма традиционной лингвистической теории, стадияльно-типологическую точку зрения на развитие языков и их сравнение независимо от общности их происхождения, поиски в области взаимоотношения языка и мышления и то, что можно назвать семантическим подходом к грамматическим явлениям» (Жирмунский 1976: 8–9).

Публикуемый текст В. М. Жирмунского предваряет эти его статьи конца 1960-х гг. и во многом перекликается с ними. В нем прежде всего обращает на себя внимание резкий протест против директивных и авторитарных методов в науке, от кого бы они ни исходили. По словам Жирмунского, рецензируемая статья Виноградова и Серебренникова выдержана в стиле «рескрипта по ведомству языкознания». При этом он скептически относится к преувеличенным разговорам о «марровском терроре» в науке. По-видимому, «аракчеевский режим», проявления которого он в достаточной мере испытал на себе, Жирмунский связывал не столько с «марризмом», сколько с общими условиями, в которых развивалась советская наука в сталинский период. Не лишены иронии слова В. М. Жирмунского по поводу предостережения авторов статьи об опасности «рецидивов марризма»: «Мне кажется, что такой “рецидив” нам совершенно не угрожает, если только не иметь в виду некоторую вполне законную реакцию против “догматизма и начетничества” в пропаганде “новейшего учения о языке”».

Касаясь вопроса о «классовости языка», Жирмунский замечал: «Открытие, сделанное И. В. Сталиным по этому вопросу, несомненно, является наибольшей его заслугой перед марксистским языкознанием». Слова эти вызывают некоторое недоумение и противоречат другим высказываниям автора рецензии. Ясно, что в такой глобальной и упрощенной постановке, с непроясненными исходными понятиями, вопрос этот не имеет научного решения и трактовка его Сталиным (в пользу «общенародности» языка) представляла сомнительный вклад в науку и в марксистскую теорию. В 1950-е гг. этот тезис ограничивал развитие социолингвистики в СССР, о чем Жирмунский писал в более поздней статье (1969: 5–24).

Интересно посмотреть, в какой мере замечания Жирмунского были восприняты авторами рецензируемой статьи. Обратившись к их выступлениям на упомянутой выше сессии Отделения литературы и языка, мы видим, что в статье В. В. Виноградова отсутствуют какие-либо нотки директивного характера, в статье Б. А. Серебренникова сдержанные элементы самокритики⁵ соседствуют с выпадами против структурализма и против типологии. В. В. Виноградов принял некоторые замечания В. М. Жирмунского, например, о языковой ситуации в средневековой Англии после норманнского завоевания (Виноградов 1964: 14). Напротив, призыва не сгущать красок в изображении марровского периода Виноградов не принимает и говорит о том, что вмешательство Сталина «положило конец самому трудному периоду в истории нашей науки, какого не было в советское время ни в одной другой науке, даже в биологии» (Виноградов 1964: 11). Последние слова по-видимому являются преувеличением⁶. Следует, однако, иметь в виду, что в 1930-е гг. В. В. Виноградов пережил арест и ссылку в Вятку в связи с так наз. «делом славистов» и до 1950 г. подвергался ожесточенным нападениям сторонников «нового учения о языке».

Предлагаемые вниманию читателя заметки В. М. Жирмунского представляют собой, как нам кажется, ценный материал для истории отечественного языкознания в советский период.

Некоторую дополнительную актуальность они приобретают в связи с многочисленными выступлениями видного современного историка языкознания и одновременно борца с марризмом В. М. Алпатова. В его работах содержится много интересного, но пронизывающий их дух неудержимой неприязни к Марру и всему, связанному с ним, нередко приводит автора к искажениям и передержкам (ср.: Брагинская 2006: 39–45). В частности, по поводу В. М. Жирмунского Алпатов пишет о «податливости его природы и склонности к компромиссам под давлением извне, никогда, однако, не доходившей до полного оппортунизма», строя при этом фразу так, что эти слова можно счесть цитатой из некролога Жирмунского, написанного его родственником, американским филологом-

---

⁵ «Нам также в свое время были свойственны догматизм и робость» (Серебренников 1964: 109).

⁶ Отношения между В. М. Жирмунским и В. В. Виноградовым были непростые. Они вместе работали в 1920-е гг. в знаменитом Институте истории искусств, рассматривались как представители одного и того же (в широком смысле) литературоведческого направления и были на «ты». С другой стороны, близкие Жирмунскому люди и, очевидно, сам он считали, что Виноградов противодействовал его избранию в академики. Действительным членом АН СССР Жирмунский стал только в 1966 г., после ухода Виноградова с поста академика-секретаря Отделения литературы и языка, хотя был членом-корреспондентом с 1939 г. и его кандидатура неоднократно выдвигалась в академики, начиная с 1943 г.

романистом Я. Малкиелем и выдержанного совсем в иной тональности (Алпатов 1991: 128)⁷. Читатель сам может судить, в том числе и по публикуемым заметкам, насколько «податлив» и «оппортунистичен» был В. М. Жирмунский. Можно, конечно, упрекать Жирмунского за то, что в 1930-1940-е гг. он не сказал прямо, в чем был несогласен с Марром, но многие ли ученые прямо говорили об этом в то время? Целый ряд лингвистов, к которым В. М. Алпатов относится с симпатией, в гораздо большей степени солидаризировались с «новым учением о языке» или допускали куда большие компромиссы, чем Жирмунский. От историка науки мы вправе ожидать не столь пристрастного подхода, в особенности, когда выносятся суждения, содержащие в себе моральные оценки.

Свою книгу о Марре В. М. Алпатов кончает словами: «Марризм реабилитации не подлежит» (Алпатов 1991: 220) и совсем недавно он еще раз повторил эти слова (Алпатов 2008: 141). Почти полвека назад В. М. Жирмунскому подобные декларации напомнили «“анафему” с церковного амвона».

«Замечания» В. М. Жирмунского печатаются по автографу, находящемуся в составе его личного фонда в Петербургском филиале Архива РАН (ПФА РАН. Ф.1001. Оп.1. Д.480. Л.1-20).

В. М. ЖИРМУНСКИЙ. НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ В. В. ВИНОГРАДОВА И Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВА «О РАБОТЕ И. В. СТАЛИНА “МАРКСИЗМ И ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ”»

Мне представляется крайне своевременным и совершенно необходимым напечатание статьи на эту тему. Когда я познакомился с первым опытом в этом направлении – со статьей В. В. Виноградова и Б. В. Горнунга, являющейся, по-видимому, первым вариантом статьи В. В. Виноградова и Б. А. Серебрянникова, я сам собирался предложить редакции «Вопросов языкознания» напечатать в журнале этот первый вариант, подвергнув его предварительно товарищеской критике и редакционной доработке. По-видимому, это было в какой-то мере сделано, и редакция прислала мне поступивший на ее рассмотрение второй вариант.

В целом, мне кажется, статья Виноградова–Серебрянникова правильно разграничивает положительную роль работы И. В. Сталина в критике и разгроме «марризма», а также положительное значение многих высказываний И. В. Сталина о языке от ошибок и

---

⁷ На предыдущей странице Алпатов столь же нецеремонно пишет о Л. В. Щербе: «В конце концов Щерба сдался... Явно для отпущения грехов он выступил со статьей о “диффузных звуках”». (Там же. С. 127). В. М. Алпатов готов признать, что В. В. Виноградов искренно считал Марра крупным ученым (С. 174), но почему-то не в состоянии поверить, что Жирмунский и Щерба действительно могли проявлять интерес к каким-то его идеям.

неправильностей, содержащихся в этих высказываниях, некритически канонизированных в условиях «культы личности».

Однако в ряде отношений статья требует существенной редакционной доработки, без которой, по-моему, вряд ли следовало бы ее печатать.

I. Общие замечания

1. Статья написана в тоне и стиле крайне догматическом, который производит впечатление рескрипта по ведомству языкознания. Мне кажется, что это не соответствует общим установкам советской науки, вызовет в советских читателях удивление, а в зарубежных (я имею в виду наших недоброжелателей) – неправильное впечатление о режиме, до сих пор будто бы господствующем в нашей лингвистической науке. Если сам И. В. Сталин, как указывают авторы статьи, (стр. 3 статьи) находил необходимым даже в условиях «культы личности» смягчать свои высказывания такими оговорками, как «надо полагать», «не всегда», «обычно», «возможно», то авторы статьи не признают надобности смягчений и декретируют в самой категорической форме: «**следует отказаться**», «**следует признать**», «**должны быть отброшены**» и «**должно быть дополнено**» и т.п. Особенно устрашающее впечатление производит на стр. 3–4 категорическое заявление, согласно которому «**следует признать сохраняющими силу** следующие положения И. В. Сталина» (далее идут 10 «положений») с заключением, что их «правильность в общей форме **не может оспариваться**». А что если кому-нибудь из советских лингвистов захочется поспорить с тем или иным из этих положений?

Поскольку из авторов этой статьи один является главой нашей лингвистики и директором Института русского языка, а другой – директором Института языкознания¹, такой «декретный тон», по-моему, особенно неуместен. Хуже всего будет, если наши товарищи на периферии подумают, что все эти вопросы уже решены окончательно и остается только выполнять «указания» авторов.

2. Мне кажется, что сказанное на стр. 1 о марровском режиме очень преувеличено. За указанные два десятилетия выходили книги акад. Виноградова, акад. Булаховского, акад. Шишмарева, проф. Аванесова, проф. Винокура, проф. Кузнецова, статьи акад. Щербы и многих других, научная мысль которых отнюдь не была «скована» учением Марра и которых авторы статьи вряд ли сочтут «подлаживающимися» к марризму. В те же годы действительными членами Академии Наук были избраны акад. Щерба, акад. Шишмарев, акад. Виноградов, а членами-корреспондентами проф. Е. С. Истрина и другие лица, отнюдь не являющиеся «марристами», что также противоречит сказанному в записке. Такие преувеличения, не соответствующие действительности, по-моему, не столько самокритичны, сколько не патриотичны и могут лишь скомпрометировать советс-

кую науку, в которой в течение «двух десятилетий», как утверждают авторы, царил подобный беспрецедентный произвол, «сковывающий развитие научной мысли». Мне кажется, все это следует высказать в другой форме, не столь преувеличенной, более соответствующей тому, что имело место в действительности и менее оскорбительной для нашей советской науки и ее работников.

Положение авторов о «полной ненаучности всех марровских теорий» также имеет скорее характер «анафемы» с церковного амвона, чем серьезной и обоснованной научной критики. Как и многие, иногда цитировавшие широко известные теоретические высказывания Н. Я. Марра, я прочел его сочинения от доски до доски только, когда получил возможность их критиковать, и с удивлением должен был убедиться, что вся конкретная лингвистическая работа Н. Я. Марра действительно опиралась на бредовую теорию «четырёх элементов» и потому целиком, от начала до конца не выдерживает и даже не заслуживает научной критики.

Тем не менее, хотя я никогда не был «марристом», я считаю, что у Н. Я. Марра встречаются теоретические мысли, заслуживающие внимания. Например, я и сейчас нахожу не только интересным по формулировке, но и правильным, с моей точки зрения, его часто цитировавшееся положение, что фонетика – техника морфологии, а морфология – техника синтаксиса. Это положение – хорошее оружие против современного лингвистического формализма. Я помню также, что один из авторов этой статьи, акад. Виноградов в свое время находил у Н. Я. Марра интересные идеи по вопросам лексикологии (хотя В. В. Виноградов не изложил своих мыслей по этому вопросу ни при жизни Н. Я. Марра, к которому он не подслушивался, ни после его смерти). Случай этот – не единственный. Не менее авторитетный зарубежный ученый, проф. В. Пизани (Милан), с большим вниманием прислушивающийся к достижениям советской лингвистической науки и отнюдь не обязанный ни «подлаживаться» под Н. Я. Марра, ни бороться с ним, неоднократно высказывался как в печати, так и в частной беседе, относительно научного интереса и даже правильности некоторых отдельных положений акад. Марра.

3. Чрезвычайно суммарное, не конкретное и категорическое по форме осуждение «всех марровских теорий» как ненаучных оставляет открытым и более существенный для современного положения советской лингвистической науки вопрос: включают ли авторы в это осуждение и работы акад. И. И. Мещанинова, написанные накануне дискуссии. И. В. Сталин, не будучи специалистом в области языкознания, в этом вопросе не был достаточно осведомлен. Он знал об акад. Мещанинове только как о защитнике теории «стадиальности **со взрывами**» и включил эти «взрывы» (в значительной степени у И. И. Мещанинова фразеологические) в общее осуждение «марризма» как лже-марксизма. Между тем работы И. И. Меща-

нинова по сравнительной типологии языков различных систем, как они изложены в книге «Члены предложения и части речи», не имеют ничего общего с марровскими теориями, кроме некоторой внешней фразеологии, которая в то время была обязательной, в особенности для ближайшего (тоже уже в прошлом) ученика акад. Н. Я. Марра и его преемника. Мне кажется, что советское языкознание в лице И. И. Мещанинова и его школы имело научный приоритет в современной постановке (конечно, не в окончательном и правильном решении) вопросов сравнительной типологии, и совершенно напрасно уступило этот приоритет американцам и Р. О. Якобсону, поспешно зачислив акад. Мещанинова и ряд других советских ученых в «марристов» или в «подлаживающихся» под марризм.

В этом вопросе авторам следует внести ясность, чтобы их «анафеме» не попадали весьма плодотворные начатки лингвистической работы в этом направлении.

4. Мне не представляется правильным опасение авторов относительно «возможности рецидивов этих антинаучных теорий» (т. е. «марризма»), «о которой никогда не надо забывать» (стр. 11). Вместо таинственной «возможности», которой авторы нас пугают, следовало бы точно сказать, что они имеют в виду. Возрождение учения о «четырех элементах» и о «языке жрецов»? Уважение к «личной одаренности» Н. Я. Марра (стр. 2), несвоевременно проявленное в статье к его 25-летию проф. В. И. Абаевым², его учеником (хотя и порвавшим с ним уже в давние времена)? Излишнее уважение, проявленное А. М. Щербаком, бывшим аспирантом И. И. Мещанинова, к своему учителю в статье юбилейного характера?³ Или тот факт, что сам И. И. Мещанинов напечатал ряд статей по сравнительной типологии предложения, развивающих и углубляющих его прежние положения? Или возможный рецидив вульгарно-социологической концепции «классовости» языка? Обо всем этом надо сказать более точно, без намеков и недосказанностей, потому что вопрос этот важный и точка зрения авторов требует прояснения и обоснования.

5. К вопросу о «классовости языка». Следует напомнить, что работа И. В. Сталина и в особенности ее каноническое «истолкование» явились причиной вредного недоразумения по этому вопросу. Приоритет в выдвигании этой идеи вовсе не принадлежит Н. Я. Марру и об этом также необходимо с полной ясностью сказать. Почти все советские лингвисты (как это выяснилось и во время дискуссии на страницах «Правды») неправильно видели в «классовости языка» основное положение марксистского языкознания. Так писал по этому вопросу, напр., проф. М. В. Сергиевский, всегда относившийся к «марризму» отрицательно⁴, так писали и многие другие советские лингвисты раньше Марра и одновременно с Марром (например, исследователи в области «социальной диалектологии», которая в те давние времена отчетливо противопоставлялась

теориям Марра). Влияние этого учения о классовости языка можно найти даже в книге такого всегда независимого в своих взглядах лингвиста, как один из авторов этой записки, акад. Виноградов (я имею в виду его учебник по истории русского языка XVIII–XIX вв.)⁵

Открытие, сделанное И. В. Сталиным по этому вопросу, несомненно, является наибольшей его заслугой перед марксистским языкознанием, если иметь в виду положительную часть его высказываний. Мне представляется поэтому, что пп. 1 и 2 на стр. 4 следует особо выделить, т. к. эти положения, несоизмеримые по своему значению с остальными восемью, в настоящей записке затеряны среди важного и неважного. Тем более, что тут же следовало бы оговорить то, о чем авторы говорят на стр. 7 (п. б): правильное положение И. В. Сталина фактически привело к отрицанию всякой социальной дифференцированности в языке, тогда как для лингвиста-марксиста должно быть аксиомой, что в классовом обществе общенародный язык неизбежно должен быть социально дифференцированным.

б.⁶ К числу явно ошибочных положений И. В. Сталина необходимо, как мне кажется, после п. 3 (стр. 10) добавить п. 4, не менее важный, чем упомянутый в п. 3 печальный случай с «курско-орловской» основой русского национального языка. Я имею в виду то, что говорится на стр. 17 его работы «Марксизм и вопросы языкознания» о языковой ситуации в Англии после нормандского завоевания, где французский язык был будто бы «салонным» и «верхушка английской аристократии» будто бы «баловалась» им, как наши русские аристократы «при царском дворе и в салонах». Социальное двуязычие языка победителей (французского) и языка побежденных (английского) продолжалось в Англии около двух столетий, а частично и больше, и оказало огромное влияние на развитие английского языка (не только на его лексику, как обычно говорят, но и на фонетику и грамматику – поскольку массовый характер французских и латинских заимствований вызвал значительное применение). Факты можно найти в учебнике «История английского языка» проф. Б. А. Ильиша или в моей старой книге «Национальный язык и социальные диалекты»⁷. С художественной наглядностью они отражены в известном романе Вальтера Скотта «Айвенго».

Вопрос этот имеет важное общее значение, т. к. касается не одного английского языка. Такая общественная ситуация обычна в условиях феодализма. Самому И. В. Сталину должно было быть известно положение в Прибалтике, где дворяне-помещики и высший слой городского населения говорили на немецком языке, а крепостные крестьяне – на латышском и эстонском. Огромное большинство представителей немецкого привилегированного класса в Прибалтике не знало местных народных языков. То же относится (с большими или меньшими оговорками) к полякам в Литве и даже на Укра-

ине (несмотря на сходство языков), к немцам в Чехии, но также и к туркам на Балканах, к арабам (маврам) в романской Испании и ко многим другим аналогичным случаям во всех частях света. В виду принципиальной важности этого вопроса для национальной политики его необходимо оговорить в специальном абзаце.

II. Частные замечания

Они касаются отдельных формулировок, частью по содержанию, а частью по стилю. Статья написана в этом отношении очень небрежно.

Стр. 1–2. «Ни о каком противоречии этих методических принципов и технических приемов методологическим основам марксизма говорить нельзя, если не возводить их в принцип, позволяющий рассматривать язык “имманентно”, в полном отрыве от общества». В такой сжатой формулировке это не очень ясно и может вызвать недоразумение. Выходит, что «принципы сравнительно-исторического и структурно-описательного языкознания» представляют методику, которая вступает в противоречие с марксизмом, если «возводить ее в принцип»?

Стр. 2. «Тщательное **исследование**» (??) работ Н. Я. Марра – лучше все-таки «рассмотрение»!

Стр. 2. «Хотя свои исходные предпосылки он много раз менял, и **это** делало все его лингвистические работы... необъективными». Так получается помимо желания авторов, хотя под словом «это» они очевидно подразумевали «необоснованные теоретические претензии».

Стр. 2–3. «Даже автор статьи о Н. Я. Марре... В. И. Абаев вынужден был ограничиться показом личной одаренности, интуиции и широты кругозора этого ученого, чего **никто** не отрицал». Эта полемика с В. И. Абаевым представляется мне совершенно излишней. И почему «**даже** Абаев»? Абаев очень крупный ученый и давно, еще при жизни Марра, как человек прямой, разошелся со своим учителем, потому что не разделял основных его взглядов.

Стр. 4. «Основной словарный фонд не подвергается существенным изменениям на протяжении многих веков». Так ли это? И всегда ли это так? И стоит ли об этом говорить столь декларативно, когда не очень ясно, что такое «основной словарный фонд»?

Стр. 5. «В настоящее время стоит задача подвергнуть... положения И. В. Сталина новому теоретическому рассмотрению». Я не думаю, что такая задача имела бы существенное значение для дальнейших судеб нашего языкознания. Надо сказать как-то проще, без «задачи», например «в настоящее время необходимо» и т. д.

Стр. 5. «Общепонятный язык понимается то как **общегосударственный** или литературный». Об «общегосударственном» языке И. В. Сталин нигде не говорил, и это прямым образом не соот-

ветствовало его взглядам на проблему нации. М.б.– «общенациональный»?

Стр. 6. Наверху: «приводило в нацреспубликах». Надо: «в национальных республиках».

Стр. 6. «Решающая роль семантической характеристики слов, относящихся к этому фонду» – это не совсем понятно.

Стр. 6. «Несколько типов мышления (модальностей сознания)». Сказано слишком кратко. Я, например, не понимаю, что это за «модальности сознания».

Стр. 7 наверху. Откуда здесь опять понятие «государственного языка»? И. В. Сталин его не употреблял и мне оно представляется неудачным (во всяком случае — без соответствующего объяснения).

Стр. 7. Понимание И. В. Сталиным социальных диалектов как только «жаргонов» является, по-моему, не «очень спорным», а бесспорно неправильным. Оно нанесло большой вред диалектологии, устранив вопрос о социальной дифференциации внутри языка, о социальной базе диалектов общенародного языка (см. п. б).

Стр. 8. Я не думаю, что сравнение грамматики с геометрией, являющееся лишь образным выражением ее абстрактно-общего характера, можно рассматривать как теоретическое основание для математической лингвистики или для теории структуры языка как «чистых отношений», даже если проф. Р. О. Якобсон из литературного снобизма цитирует это сравнение И. В. Сталина в доказательство своих положений⁸. По-моему, правильнее было бы сказать, что образные выражения, употребленные И. В. Сталиным, **не дают никакого основания** для подобных выводов.

Указание на «некоторую часть **молодых** ученых» на стр. 8, по-моему, неуместно. Почему именно «молодых»?

Остальное на стр. 8 кажется мне очень важным, своевременным и правильным, т.к. направлено против того грамматического формализма начала 1950-х гг., который, опираясь на догматическое истолкование положений И. В. Сталина, вел войну против так называемого «порочного смешения грамматики и лексики».

Стр. 8. «Яркий пример». Зачем «яркий»? Стиль!

Стр. 8. «Грамматикализация». Очень прошу авторов выбросить два совершенно ненужных иностранных суффикса и вместо этого чудовищного слова впредь писать «грамматизация».

Стр. 8 внизу. «Как бы снимают проблему». Зачем нужно «как бы»? Просто «снимают».

Стр. 8 внизу. «История первобытного общества **приходит** к выводу». Надо: «приводит к выводу».

Стр. 9. «Необходимо прежде всего преодолеть научные представления языковедов XIX в., сводивших процесс образования языков и диалектов к прямолинейному распадению **мифических** праязыков». Непонятно, почему и в каком смысле мифических»? Я бы это слово вычеркнул.

Стр. 11. О «рецидиве этих антинаучных теорий» я уже писал. Мне кажется, что такой «рецидив» нам совершенно не угрожает, если только не иметь в виду некоторую вполне законную реакцию против «догматизма и начетничества» в пропаганде «нового учения о языке».

В целом следует приветствовать инициативу авторов и общее направление их критической мысли. Однако ввиду особой ответственности этого теоретического выступления для «Вопросов языкознания» и для всей советской лингвистики необходимо еще раз внимательно продумать все, что в ней сказано и произвести необходимую редакционную доработку.

Примечания публикатора

¹ В. В. Виноградов был академиком-секретарем Отделения литературы и языка АН СССР в 1950–1963 гг. и директором Института русского языка АН СССР в 1958–1968 гг., Б. А. Серебренников занимал пост директора Института языкознания АН СССР в 1960–1964 гг.

² Имеется в виду статья: Абаев В. И. Н. Я. Марр (1864–1934). К 25-летию со дня смерти // ВЯ. 1960. №1. С. 90–99.

³ Вероятно речь идет о статье: Аврорин В. А., Щербак А. М. Иван Иванович Мещанинов (К 75-летию со дня рождения) // ИАН. ОЛЯ. 1958. №5. С. 461–467.

⁴ Вероятно имеется в виду статья: Сергиевский М. В. Проблема социальной диалектологии в истории французского языка XV–XVII вв. // Учен. зап. Ин-та языка и лит-ры РАНИОН. 1927. Т.1. С.22–35.

⁵ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. 2-е доп. изд. М., 1938.

⁶ В рукописи ошибочно проставлен номер 5.

⁷ Ильиш Б. А. История английского языка. Л.; М., 1938; 4-е изд. 1958; Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.

⁸ Р. О. Якобсон цитирует Сталина в статье «Поэзия грамматики и грамматика поэзии» (1961). Переизд. в сб.: Семиотика. М., 1983. С. 462–482.

Публикация Б. С. Кагановича

Литература

- Академик Виктор Максимович Жирмунский. Библиографический очерк. Отв. ред. А. В. Десницкая и Н. Н. Казанский. СПб., 2001.
- Алпатов 1991 – Алпатов В. М. История одного мифа. Марр и марризм. М. Алпатов 2008 – Алпатов В. М. Рец.: Velmezova E. Les lois du sens: la sémantique marriste. Bern, 2007 // ВЯ. №2.
- Брагинская 2006 – Брагинская Н. В. Между свидетелями и судьями (Реплика по поводу книги: В. М. Алпатов. Волошинов, Бахтин и линг-

- вистика. М., 2005) // М. М. Бахтин в Саранске. Вып. 2–3. Саранск. С. 39–45.
- Виноградов 1964 – Виноградов В. В. О преодолении последствий культа личности в советском языкознании // Теоретические проблемы современного советского языкознания. М. С. 9–30.
- Виноградов, Бархударов 1952 – Виноградов В. В., Бархударов С. Г. Итоги перестройки языковедческой работы в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию // ВАН. №1.
- Жирмунский 1940 – Жирмунский В. М. Сравнительная грамматика и новое учение о языке // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. № 3. С. 28–61.
- Жирмунский 1952 – Жирмунский В. М. Лингвистическая палеонтология Н. Я. Марра и история языка // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. Под ред. В. В. Виноградова и Б. А. Серебренникова. Сб. ст. Ч. 2. М. С. 172–208.
- Жирмунский 1967 – Жирмунский В. М. Памяти академика И. И. Мещанинова (1883–1967) // ВЯ. №3.
- Жирмунский 1969 – Жирмунский В. М. Марксизм и социальная лингвистика // Вопросы социальной лингвистики. Л.
- Жирмунский 1976 – Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Л.
- О современном положении в советском языкознании и мерах улучшения языковедческой работы в Академии // Вестник АН СССР. 1949. №9.
- Сердюченко 1949 – Сердюченко Г. П. За дальнейший подъем нового материалистического учения о языке // ИАН. ОЛЯ. №4. С. 316–317.
- Сердюченко 1949 – Сердюченко Г. П. Об одной вредной теории // Культура и жизнь. № 18.
- Серебренников 1964 – Серебренников Б. А. О ликвидации последствий культа личности Сталина в языкознании // Теоретические проблемы современного советского языкознания. М. С. 109–113.
- Сухотин 1951 – Сухотин В. П. О некоторых мерах по улучшению научно-исследовательской работы в области языкознания // ВАН. № 11.

Список сокращений:

ВАН – Вестник АН СССР.

ВЯ – Вопросы языкознания

ИАН. ОЛЯ – Известия АН СССР. Отделение литературы и языка

Summary. B. S. Kaganovich. Victor M. Zhirmunsky on «Marrism» and on the «struggle against Marrism».

The paper presents V. M. Zhirmunsky's remarks on the famous paper by V. V. Vinogradov and B. A. Serebrennikov "On I. V. Stalin's work "Marxism and problems of linguistics"» (ca. 1962). This text is the most complete expression of Zhirmunsky's views on N. Y. Marr's linguistic theory and its critique by Stalin.